

Каждый день «челноки» переносили по «сушке» по 4000 кирпичей, перемещая по 6000 килограммов за день на расстояние 4–5 метров. В среднем эти подростки, почти дети, пробегали рысцой по 32 километра в день, причём наклоняться до земли им приходилось до 4000 раз.

Глава 1

Фотография в овальной рамке

Дордрехт, 1975 г.

Дверь приоткрыта. Папа выжидательно смотрит на меня, наклонив голову. Я киваю, и он открывает дверь нараспашку. И вот я дрожащими ногами переступаю порог... В комнате полная тишина. Тяжёлые бархатные гардины, скрывающие двери в сад, задёргнуты, и глазам надо привыкнуть к полутьме. В щёлку между гардинами проникает солнечный луч – в нём пляшут золотые пылинки. Обеденный стол придвинут к стене... А в центре комнаты на возвышении стоит деревянный гроб. По обеим сторонам от него горят толстые свечи в подсвечниках, тут же несколько ваз с цветами... Я нерешительно топчусь около двери.

– Проходи, – тихонько подзывает меня папа.

Мама была против.

– Она ещё слишком маленькая, – сказала она утром.

– А мне кажется, достаточно взрослая и мудрая, – ответил папа. – Пусть сама решает.

И они посмотрели на меня. Я думала недолго.

– Да, – уверенно закивала я. – Да, я тоже хочу с ней попрощаться.

~

— Иди посмотри, какая она красивая, — слышу я папин голос.

Он протягивает мне руку.

На негнущихся ногах я иду к наполовину открытому гробу.

Мир вокруг меня останавливается. Я вижу бабушку. Она такая маленькая и хрупкая... Её родное лицо с целой сотней морщинок — однажды мы все их сосчитали. Кажется, что она спит и вот-вот проснётся и скажет: «Это всё неправда». Но время идёт, а ничего не происходит. Глаза всё так же сомкнуты, рот слегка приоткрыт. На ней её самое красивое платье, синее с кружевом цвета слоновой кости. Совсем недавно она была в нём на дедушкином дне рождения.

Я потихоньку осваиваюсь, смотреть уже не так страшно. Мне хочется навсегда запомнить, как мирно бабушка покоится на своём ложе из белого сатина. Совершенно неподвижно. Руки скрещены на груди. Волосы, которые она обычно аккуратно закалывала наверху, сейчас серебряной косой лежат на платье. Я осторожно кладу в гроб полевые цветы, которые собрала на берегу. Встаю на цыпочки и целую бабушку в лоб. Он холодный и какой-то странный. Подняв взгляд, я вижу, как папа подбадривающе кивает. На глазах у него слёзы. Становится страшно: я ещё никогда не видела, как папа плачет.

— Ну что, пойдём?

Всхлипывая в свой платок, папа быстро отворачивается.

— Прощай, бабушка.

Словно эти слова произносит за меня чей-то чужой дрожащий голос. Я повторяю их у двери и машу рукой на прощание.

Папа уводит меня в переднюю часть дома. Там в кресле у окна сидит дедушка — он вглядывается в фотографию в овальной рамке.

Дедушка ласково треплет меня по щеке.

— Вы с ней похожи.

Он с улыбкой передает мне фотографию — слегка выцветшую, в коричневых тонах.

— Эта девочка — твоя бабушка. Здесь ей столько же лет, как тебе сейчас.

Глава 2

Добро пожаловать в глиняный рай!

Бассейн реки Рюпель, 1900 г.

Матильда нервно теревит свои длинные тёмные косы. Папины слова до сих пор звенят в ушах...

Не успели они вернуться с воскресной службы, как он, снова раздражаясь, стукнул кулаком по столу:

— Ну сколько раз можно тебе объяснять?! Я уже всё сказал. Ты же сама понимаешь, не умею я воспитывать тринадцатилетних девочек! Так будет лучше для всех...

Матильда стояла молча, недоумённо глядя на отца.

— Ну что ты смотришь на меня с таким осуждением? — ещё больше распалялся он. — Я, как положено, выдержал траур. А теперь я хочу счастливо жить с Леной! Ей самой-то всего двадцать лет. Куда ей такая взрослая падчерица?! Да и все эти пересуды в деревне уже осточертели... Так что мы уезжаем! Обустроимся — позовём тебя в гости.

Слёзы жгли Матильде глаза, а отец всё не успокаивался:

— Каждый месяц я буду выплачивать свояку деньги на твоё содержание. Тебе всего-то и надо будет, что помогать тёте и следить за малышами. Наконец-то у тебя появятся братишки и сестрёнки. Ты ведь об этом мечтала?

Не дождавшись ответа, он пожал плечами.

— Вся в мать... Как будто с ней мне мороки не хватало.

Он решительно встал.

— Схожу за тележкой, чтобы сразу хоть часть вещей захватить. Всё, что в лавке, буду перевозить на неделе. Если хочешь что взять из материнских вещей — бери сейчас, — пробурчал он уже чуть помягче.

Немного потоптался на месте.

— Что, ни одного доброго словечка для отца не найдётся?.. Ну, тогда прощай.

Через минуту дверь с силой захлопнулась. Дверной колокольчик долго не мог успокоиться.

— А, вот где ты сидишь!

Тётина голова показывается на чердаке.

— Пойдём скорее. Я не могу так долго задерживаться.

Тётя беспокойно смотрит по сторонам.

— Не забудь своё одеяло.

— Уже иду.

Матильда со вздохом встаёт с кровати, сворачивает одеяло и завязывает узлом платок, где уже лежат все её пожитки. Последний взгляд на комнату, в которой она спала, сколько себя помнит. Узкая металлическая кровать, комод с зеркалом и кувшином для умывания, выцветшие обои с тёмными пятнами в тех местах, где висели картинки из журналов. Потом она спускается вслед за тётей по скрипящей лестнице. Уже внизу она вдруг останавливается перед каминной полкой: там, строго по

центру, под стеклянным колоколом стоит статуэтка Девы Марии.

— Подождите, пожалуйста! — кричит она вдогонку тётё, уже выходящей из дома через лавку.

Матильда хватает газету, разглаживает и аккуратно упаковывает в неё статуэтку вместе с футляром.

И вот она в последний раз проходит через кухню в сапожную мастерскую*¹ отца. Запах кожи и клея, целый набор инструментов, развешанный на гвоздях в стене, деревянные полки с обувью. Глубокий вздох вырывается у неё из груди. Она окидывает магазин последним взглядом, словно чувствуя, что, закрыв дверь, навсегда попрощается с прежней жизнью.

На мостовой перед домом тётя разговаривает с соседями. Когда выходит Матильда, все разговоры смолкают. Она ловит на себе их жалостливые взгляды.

— Эх, эта стерва Лена сама ещё наплачется, — фыркает тётя, когда они отходят от дома. — Твою маму все кому не лень предупреждали, чтобы она гнала взашей этого бабника. Ничего, кроме горя, он ей не принёс. Каждый раз умудрялся так её умаслить, чтобы она пустила его обратно. Бедная моя сестра...

Жена мясника стучит по оконному стеклу и жестами просит остановиться. Через минуту на улице выбегает её дочь.

— Я уже слышала, — она смотрит на Матильду со страхом.

---

¹ Некоторые термины и понятия, относящиеся к описываемым реалиям, отмечены в тексте «звёздочкой». Их значение поясняется в Словарике в конце книги (стр. 209–214). — *Прим. ред.*

— Она же не на край света уезжает. Захочешь — придёшь в гости, — одёргивает тётя девочку.

— Но... В школу-то ты будешь ходить?

Девочка переводит взгляд с Матильды на тётю и обратно.

Тётя нетерпеливо тянет Матильду за собой.

— Об этом поговорим дома. Надо поторапливаться.

На другой стороне улицы собралась стайка любопытных соседских детей. Обернувшись на ходу, Матильда видит в их глазах сочувствие.

Улица Капельстрат петляет и всё выше забирает вверх. Вот они уже вышли из деревни и идут по дамбе вдоль реки Рюпель. Их греет весеннее солнце, в воздухе пахнет влажной почвой. В зарослях тростника на берегу играют, перебрасываясь комьями земли, грязные босоногие дети. Несколько ребят начинают изо всех сил размахивать руками.

— Идёт! Идёт! Вон она!

— Матильда, это правда?! — звучит звонкий голосок.

На дамбу, тяжело дыша, взбирается худенький ребёнок: это её младший двоюродный брат.

— Мари говорила, что ты теперь будешь жить у нас. Правда?

Он смотрит на неё так, будто не верит своему счастью.

Впервые за всё это время Матильда улыбается.

— Да, Фонске, это правда.

Его бледное худенькое личико так и светится.

— А что у тебя в газете? Дай, я понесу, — выпаливает он с готовностью.

— Не надо, не надо.

Узелок с вещами Фонске забирает у неё, уже не спрашивая.

— Не слишком тяжело?

— Вот ещё! Мне уже шесть лет, — обиженно отвечает он.

С каждым шагом всё приближаются высокая труба и длинные ряды крыш сушильных цехов. Вдали виднеется глиняный карьер — сегодня, в воскресенье, там никого нет. Чем словоохотливее братик, тем тише становится Матильда. Поравнявшись с садом за высокой кованой оградой, они слышат лай собак. Каждому в деревне известно, что там, в глубине прекрасного сада, отстроил себе особняк самый главный в этих краях человек. Осталось только дойти до таблички со словами «Охраняемая территория» — и они на месте. На подходе к воротам ноги почему-то отказываются идти. С Территории как раз выходит группа мужчин в превосходном расположении духа. Среди них дядя и двое старших двоюродных братьев Матильды.

Уперев руки в бока, тётя перегораживает им дорогу.

— Я против того, чтобы ты брал его с собой, — показывает она на младшего из двоих.

— Позволяешь жене командовать? — ухмыляются остальные. — Ну а мы тогда пошли пить пиво, пока вы тут разбираетесь!